

Д-р Дэвид де Сильва , Культурный мир Нового Завета, Занятие 6, Чтение 1 Петра, настроенного на структуры и ценности родства

© 2024 Дэвид ДеСильва и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид де Сильва в своем учении «Культурный мир Нового Завета». Это занятие 6, Чтение 1 «Петр, настроенный на структуры и ценности родства».

На этом занятии мы внимательно рассмотрим Первое послание Петра, используя то, что мы узнали о родстве, формировании групп родства и духе групп родства, а также о видах правил, которые управляют естественными домашними хозяйствами в наших предыдущих уроках. лекцию, чтобы увидеть, каким образом это может пролить свет на риторическую стратегию, пастырскую стратегию Первого послания Петра, поскольку автор обращается к ситуации тех, кто здесь.

Мы уже исследовали пастырскую обстановку Первого послания Петра в связи с отрывками о чести и стыде. Петр пишет группе общин, скажем, в западной половине современной Турции, пяти провинциях, римских провинциях на территории нынешней западной Турции, и Петр называет самой насущной проблемой, с которой сталкиваются эти христиане, сопротивление, с которым они столкнулись со стороны их соседи-нехристиане, которые использовали все имеющиеся в их распоряжении методы пристыжения, оскорбления, упреки, даже, в некоторых случаях, физическое насилие, маргинализацию, чтобы попытаться вернуть новообращенных к нормальному образу жизни и ценностям, которые они оставили. позади. Теперь мы обнаружим, что язык родства, наряду с соображениями чести и стыда, также играет значительную роль в реакции автора на тяжелое положение адресата.

Во-первых, автор обращает внимание как на факт, так и на способ нового рождения в новой семье, который пережили обращенные в христианство. Он также укажет на дистанцию, которую это новое рождение в новой семье устанавливает между верующими, новообращенными и группами естественного родства, которые, по крайней мере концептуально, они оставили позади. Поэтому уже с самого начала его письма мы читаем: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа.

По Своей великой милости Он возродил нас к живой надежде через воскресение Иисуса Христа из мертвых, к наследию нетленному, непорочному и неуязвимому, хранимому на небесах для вас». Точно так же в конце первой главы он пишет о них: «Вы родились свыше, не от семени тленного, но от семени нетленного, через живое и пребывающее слово Божие. Ибо», цитируя

теперь Исайю «Всякая плоть, как трава, и вся слава ее, как цвет травы. Трава засыхает, цветок опадает, а слово Господне пребывает вовек.

И слово сие есть благая весть, которая была проповедана вам». Петр говорит о принятии слова Евангелия и о доверии к нему, как, по сути, о втором зачатии. Это слово было посеянным семенем, которое создает нового человека, новое рождение в новой семье, семье, которая во всех отношениях лучше, чем семья, которую во многих случаях новообращенным приходилось в некотором смысле оставить позади. Это создает новую группу родства. среди тех, кто разделяет это новое рождение и это общее происхождение.

Христианская группа становится братством – термин, который появляется в 2:17 и 5:9. Новое рождение в этой новой семье приносит большие преимущества и привилегии, большие привилегии, чем естественное рождение слушателя. Оно производится высшим семенем, не таким семенем, которое дарует только смертную жизнь, а тем, которое дарует неувядающую, вечную жизнь. Это рождение в семье, которая разделяет большее наследие, а именно славу и честь, принадлежащие единому Богу, главе этой семьи и Божьему Мессии, которыми можно наслаждаться вечно в жизни вне тленности.

Первое рождение слушателя, его естественное рождение в естественной родственной группе, принесло ему один вид наследства. Это было наследие невежества, безбожных традиций, ценностей, рожденных отчуждением от единого Бога. Автор так говорит об этом.

Вы были искуплены от тщетных путей, унаследованных от ваших естественных отцов, не тленными вещами, такими как серебро или золото, но драгоценной кровью Христа, как кровь агнца без порока и пятна. Новое рождение в новом доме Божьем, напротив, дает этим измученным христианам не только лучшее наследство, которого можно ожидать, но и твердое подтверждение своей чести в результате слышания и ответа на слово, которое им было проповедано. С одной стороны, они, возможно, потеряли честь или статус, которые им дало их естественное рождение, но теперь из-за этого или как следствие этого они разделяют не только честь естественных родителей, но и честь Бога. космоса, который стал или является главой семьи, частью которой они стали.

Новое рождение в новой семье имеет особые этические последствия. По мнению автора, первый вывод заключается в том, что новообращенный должен стать похожим на своего нового родителя. Читаем в 1 Петра 1:14–16: как послушные дети, не сообразуйтесь со страстями прежнего неведения вашего, но, как свят Призвавший вас, так и вы будьте святы во всех поступках ваших, как написано: ты будешь свят, ибо Я свят.

Ключевой текст из книги Левит: «Будьте святы, как я свят» — здесь сочетается с образом детей, позволяющих родителям формировать их по подобию родительского характера. Знание характера нашего Отца должно еще больше подтолкнуть нас к этому процессу. Автор пишет в следующем же стихе: если вы называете Его Отцом, судящим нелицеприятно по делам каждого, то со страхом проводите себя во время изгнания вашего.

Второе этическое значение, наряду с ростом подобия характера нашего нового отца, касается взаимоотношений верующих друг с другом. Верующие, пишет автор, очистили свои сердца с целью выражения искренней братской любви. Греческое слово там — филиадельфия, тот самый термин, который использует Плутарх в своем трактате о братской любви.

Какая любовь должна характеризовать братьев и сестер? И автор призывает их проявлять любовь сестер и братьев, быть людьми -филадельфиями, людьми, проявляющими любовь братьев и сестер друг к другу. В описании автором взаимодействий внутри христианского сообщества мы можем распознать несколько аспектов более широкой культурной этики, определяющей отношения между братьями и сестрами, этики Филадельфии. Здесь я просто проведу нас через несколько слайдов с текстами Священных Писаний.

Например, в 1:22 автор пишет: любите друг друга искренне, от чистого сердца. А затем в 2:17 возлюбите братство. В 4:8 он обращает внимание на ту грань этоса, где любовь преодолевает травмы, что означает родственные отношения.

Прежде всего, продолжайте искренне любить друг друга, потому что любовь покрывает множество грехов. Между членами, не являющимися родственниками, обиды и оскорбления должны вызывать возмездие. Но среди родственников оскорбления и обиды следует встречать с терпимостью, с любовью, которая покрывает и отстраняет, а не отвечает и умножает межличностные оскорбления.

Он призывает их отложить всякую злобу, и всякий обман, и всякое лицемерие, и зависть, и всякую клевету. Обман, притворство, зависть — эти вещи характеризуют конкурентов в древнем мире, а не тех, кто сотрудничает ради общего блага друг друга. Клевета уместна для конкурентов чести, но родственники скорее защищают, чем разрушают честь друг друга.

Автор также призывает их к единомыслию, сочувствию, братской любви, нежному сердцу и смиренному разуму в 3.8. Опять же, мы находим здесь список качеств, особенно резонирующих с гармонией и единством, которые были характерны для братьев и сестер в древнем мире. Автор, как и все христианское движение первого века, знает, что собрание христианского собрания зависит от гостеприимства, от того, что христиане откроют друг другу

свои дома, свои физические дома, и приветствуют их. Поэтому он призывает их показать гостеприимство друг к другу без ропота.

Гостеприимство было важно для христианского движения, от встреч группы до поддержки миссионеров и учителей и поддержки христианских делегатов из других церквей. Без гостеприимства у христианской группы не было бы социального места, где можно было бы встречаться или поддерживать растущую сеть церквей. Классик по имени Эдвин Хэтч дает нам прекрасную картину христианской группы, охватывающей все Средиземноморье в первом веке.

Незнакомцы непрерывным потоком проходили через города всех великих торговых путей как на Востоке, так и на Западе. Каждый из этих незнакомцев, носивших христианское имя, претендовал на гостеприимство. Христианство существовало и росло, потому что это было великое братство.

Имя брат ярко выражает реальный факт. Куда бы он ни пошел, христианин находил в обществе своих братьев-христиан прием и гостеприимство. Автор 1 Петр вносит свой вклад в такую культуру, о которой впоследствии сможет написать классик.

Эта культура объединяет незнакомцев. Люди, связанные друг с другом по большей части никаким образом, объединяются в сообщество, добровольно принимающее по отношению друг к другу обязательства семьи на самом близком уровне. И это становится, по крайней мере, в глазах классика Эдвина Хэтча, одной из фундаментальных причин роста христианского движения в древнем мире.

Помимо этого, существует также тот факт, что естественные семьи обращаются в христианство как группы. Например, на протяжении всего Нового Завета мы видим, как обращение главы семьи ведет или включает в себя обращение всей естественной семьи, отцом, мужем и хозяином которой он является. Именно так обстоит дело с сотником Корнилием в 10-й главе Деяний.

Также филиппийский тюремщик упоминается в 16-й главе Деяний. И мы находим это отражение у Стефана Коринфского, который обратился в христианство со всем своим домом. А также Онисифор во 2 Тимофею.

Это движение, раннехристианское движение, зависело от таких глав семей, которые неизбежно приводили в церковь все свои семьи в силу того, что они были главой этого дома, а также от готовности таких христианских домовладельцев, как эти вышеупомянутые люди, оказывать гостеприимство. И эта естественная христианская семья стала местом действия домашних правил, как они известны, найденных в Ефесянам 5 и 6 или Колоссянам 3, которые

просто вписываются в главу 4, а также домашних правил, которые мы находим в 1 Петра в главах 2 и 3. С их сочетанием, с одной стороны, укрепления традиционных ролей в естественной христианской семье, но также, с другой стороны, введения иногда подрывных христианских обоснований, которые формировали и изменяли роли и поведение в этих естественных христианских семьях. 1 Петр, в отличие от Послания к Ефессянам и Колоссянам, фокусируется лишь на некоторых ролях, только на рабах, женах и мужьях.

Он не говорит о детях и родителях. Он не говорит о хозяевах рабов. И кажется, что, когда он обращается к рабам и женам, он в основном имеет в виду нехристианские семьи.

Давайте сначала посмотрим на его наставления женам-христианкам. В главе 3, стихи с 1 по 6, мы читаем: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы, даже если некоторые и не повинуются слову, они могли быть завоеваны без слова поведением своих жен, когда они увидят ваше почтительное отношение». и чистое поведение. Пусть украшение ваше не будет внешним, ни плетение волос, ни ношение золотых украшений, ни одежда, которую вы носите, но пусть украшение ваше будет сокровенным человеком сердца, с нетленной красотой кроткого и тихого духа, который в глазах Бога очень ценно.

Ибо так украшали себя святые женщины, надевшие на Бога, подчиняясь своим мужьям, как Сара повиновалась Аврааму, называя его Господом. И вы ее дети, если делаете добро и не боитесь ничего страшного. В этом тексте мы видим некоторые аспекты классического и еврейского идеала жены.

Мы видим идеал покорности, подчинения своим мужьям, в 3:1. Да будет украшением твоим сокровенный человек сердца, с нетленной красотой кроткого и тихого духа, покорности, молчания, в 3:4. А также пример Сарры, как представительницы святых женщин, надеющихся на Бога, украшающих себя, подчиняясь своим мужьям, как Сарра называла Авраама Господом в 3:5 и 6. Мы часто видим, даже более непосредственно, грань молчания внутри этого идеала, как говорит автор, делает это для того, чтобы даже если некоторые и не подчиняются слову, их можно было завоевать без слова поведением своих жен. Создается впечатление, что автор здесь призывает жен-христианок мужей-нехристиан жить в соответствии с идеалом хорошей жены мужа-нехристианина как средства евангелизации и, по крайней мере, как средства завоевания уважения к христианскому исповеданию и образ жизни. И далее в 3:6, как бы двигаясь в новом направлении, он пишет: и вы дети ее, вы дети Сарры, если делаете добро и не боитесь ничего страшного.

Возможно, это не лучший перевод, и я не боюсь, что любое запугивание может быть лучшим переводом. С одной стороны, автор здесь снова говорит о фиктивном родстве в форме общего происхождения от Сарры. И мне следует

для ясности упомянуть, что Первое послание Петра адресовано в первую очередь не иудеям-христианам, а в первую очередь христианам из язычников, потому что автор говорит об их прошлом как о прошлом, отмеченном идолопоклонством, блудом и целой кучей других вещей, которые евреи просто не делали, а язычники делали каждый день.

Ну, не блудная часть, а идолопоклонническая часть, по крайней мере, как само собой разумеющееся. Итак, здесь автор применяет фиктивное родство. Ты стала дочерью Сарры, если будешь делать добро и не убоишься никакого запугивания.

Мы могли бы также вспомнить, как другой автор, Павел, уделял большое внимание демонстрации того, как христиане, как христиане из язычников, так и христиане из иудеев, связаны с родословной и, следовательно, с обетованиями Авраама и Сарры в Послании к Галатам и Римлянам. Но здесь есть и другая динамика: не бойтесь никакого запугивания. Это динамика сопротивления, не подчинения, а сопротивления мужу-нехристианину в определенных неизбежных моментах, и это будет сутью домашней религии. Выбор религии, отличной от религии мужа, был актом, противоречащим культурному идеалу.

Плутарх пишет в своих «Советах по браку», что жена не должна иметь собственных друзей, а должна использовать друзей мужа как свой общий капитал. И первые и самые главные наши друзья – это боги. Поэтому замужняя женщина должна поклоняться и признавать богов, которыми дорожит ее муж, и только их.

Дверь должна быть закрыта для странных культов и иностранных суеверий. Ни один бог не получает удовольствия от культа, исполняемого женщиной украдкой и тайно. Жена мужа-нехристианина, перешедшего в христианскую веру, подрывает солидарность семьи, предпочитая поклоняться богу, отличному от бога своего мужа, главы богов семьи.

Если бы она серьезно относилась к избеганию идолопоклонства и серьезно относилась к своему стремлению поклоняться одному богу, она бы не участвовала в домашних ритуалах. Жена дома была явно молчаливой или даже отсутствовала, пока глава семьи, муж, совершал домашний культ. И я должен просто сказать, что все свидетельства, которые я видел, по крайней мере, я собирался сказать, что они есть, но я не знаю, но все свидетельства, которые я видел о древних домах, по крайней мере, в Римский мир, в основном, включает святыни, домашние святыни, где роду, духу семьи, духам-защитникам, ларцам семьи поклонялись наряду с другими богами, которых предположительно муж поместил туда и решил, что они будут там.

И эти святыни, я имею в виду, что в каждом римском доме, по сути, был алтарь. Здесь было место домашней религии. А жена теперь будет избегать этого места, вызывая в тот момент много разногласий в доме.

Она не пошла бы с мужем участвовать в гражданских и общественных ритуалах. Не все друзья и соратники ее мужа считали ее благочестивой женой. И, что, пожалуй, наиболее нежелательно, она бы вышла из дома, чтобы собраться с группой незнакомцев, людей, не входящих в круг ее мужа и без присмотра мужа, если бы она пошла собираться с христианским собранием.

Автор считает, что подчинение в этой области не подлежит обсуждению. Вы обязаны Богу больше послушания, чем мужу. Но автор призывает жену-христианку действовать во всех остальных аспектах жизни, чтобы продемонстрировать, что ее верность Иисусу действительно делает ее лучшей и более приятной женой, если муж терпим к ее странной религиозной практике.

Отсутствие страха перед каким-либо запугиванием также предполагает, что автор признает, что муж-нехристианин может оказывать значительное давление и даже угрожать жене-христианке, чтобы она прекратила и воздерживалась. Но в этих случаях нельзя подчиняться человеку, а не Богу. Теперь, сразу после этого, автор обращается к мужьям-христианам, и, очевидно, только к мужьям-христианам, потому что мужья-нехристиане Петра не слушали, и то, что он говорит, не применимо.

Как я уже кратко упомянул в предыдущей лекции, существует проблема с точным переводом 3:7. В ESV и NIV мы находим такой перевод: «Также, мужья, живите со своими женами с пониманием, оказывая женщине честь как более слабому сосуду, так как они вместе с вами наследники благодати жизни, чтобы ваша молитвам нельзя препятствовать. И потом в НИВЕ мужья так же будьте внимательны, как вы живете со своими женами, и относитесь к ним с уважением, как к более слабому партнеру и как к наследникам вместе с вами благодатного дара жизни, чтобы ничто не препятствовало вашим молитвам.

Теперь, что мы можем заметить во всех этих переводах (вы можете сравнить KJV, RSV и другие), так это то, что даются два предписания: живите много со своей женой, оказывайте честь своей жене, и приводятся два мотива: по сути, потому что ваша жена — более слабый сосуд, и потому что ваша жена — сонаследница дара жизни, жизни, которую дает Бог. Во всех этих переводах представлена команда номер один, затем команда номер два и предполагается, что обе мотивации относятся к команде номер два. Но это, на мой взгляд, довольно явно противоречит структуре самого греческого языка, где к мужьям обращаются с просьбой совершить действие номер один на основе мотивации номер один и выполнить действие номер два на основе мотивации. номер два.

Итак, действительно, как я читаю по-гречески, мужья также значительно живут вместе с вашими женами, как с более хрупким женским сосудом, и оказывают им честь как сонаследникам с вами дара жизни, чтобы ваши молитвы не были услышаны. мешал. Я хочу сказать, что проявление почтения к жене-христианке не представлено автором как великодушный жест со стороны мужа-христианина в сторону более слабого сосуда. Скорее, такое уважение ей положено в силу того, чем Бог сделал ее вместе с мужем, а именно, сонаследниками Божьего дара вечной жизни.

Хотя классические специалисты по этике признали бы и согласились с первым наставлением и его мотивацией, мужьям следует быть внимательными, поскольку их жены физически слабее и более уязвимы, чем они. Хотя классические специалисты по этике согласились бы с этим, второе наставление и его мотивация представляют собой явно христианский поворот в отношениях мужа и жены. Фактически, то, что они являются сонаследниками, напоминает родственные отношения, в которые вступили муж и жена-христиане, родившись в семье Бога.

Таким образом, в каком-то смысле неизбежно иерархические отношения мужа и жены в древнем мире подвергаются сомнению и несколько видоизменяются благодаря более эгалитарным отношениям братьев и сестер в древнем мире, детей одних и тех же родителей. И это последнее слово автора о христианском браке. Я не говорю, что это легко решает любые споры, но я говорю, что автор не просто имитирует классические или еврейские кодексы и ценности брака.

Он замечает, что благодаря тому, что мы вместе стали христианами, в динамику брака привнесено что-то новое, и это каким-то образом заквасит и изменит эти отношения. Теперь обратимся к 1-му наставлению Петра рабам, которое мы находим во 2-й главе, стихи с 18 по 21. Он пишет, рабы, со всяким уважением повинуйтесь господам своим, не только добрым и кротким, но и несправедливым.

Ибо это благодатно, когда, памятуя о Боге, терпишь скорби, страдая несправедливо. Какая же в этом заслуга, если ты, согрешая и подвергаясь за это побоям, терпишь? Если же, делая добро и страдая за него, терпишь, то это и есть благодать в очах Божиих. Ибо к этому вы призваны, потому что и Христос пострадал за вас, оставив вам пример, чтобы вы могли следовать по Его стопам.

В этом отрывке автор использует слово ойкетай, домашние слуги. Он предполагает наличие домашних рабов, которых обычно можно встретить в городских условиях, и это соответствует способу распространения ранней церкви. Он также пишет здесь, по сути, предполагая, что обращается к рабам в нехристианских домах, поскольку хозяевам не даются взаимные инструкции, и поскольку автор, похоже, не чувствует, что у него есть какие-либо рычаги

воздействия на хозяев, чтобы обращаться к ним с хорошими, а не с плохими намерениями. и порочные мастера.

Рабы в этих нехристианских домах, как и жены мужей-нехристиан, что еще более вопиюще, будут действовать вопреки нормам, не участвуя в идолопоклоннических обрядах домашнего хозяйства, и им придется завоевывать некоторую терпимость со стороны своих хозяев даже за посещение христианских собраний. Автор призывает рабов продолжать быть покорными и послушными во всех вопросах, в которых они могут с чистой совестью, отчасти для того, чтобы дать уверенность в том, что христианское движение не подрывает основу римской имперской экономики, то есть рабство, но также отчасти для того, чтобы заручиться необходимой благосклонностью своих хозяев для участия в христианском движении. Однако даже в этом предприятии автор приписывает большую власть совести рабов в 2.19. На основе своего христианского ученичества они должны определить, что значит грешить и что значит делать добро.

Когда меня наказывают справедливо? Когда меня наказывают несправедливо? Автор дает рабу моральную решимость решать, когда он или она действует в соответствии с Божьими ценностями, а затем нет, и, следовательно, действует ли хозяин в соответствии с Божьими ценностями или нет. Более того, когда автор утверждает, что эти христианские рабы должны принять наказание за добрые дела, он на самом деле утверждает определенную меру неподчинения. Скорее всего, он имеет в виду их воздержание от идолопоклонства в домашнем хозяйстве и всего остального, где верность Богу должна привести их к непослушанию своим господам.

Он выражает ожидание, что они будут продолжать подчиняться Богу, а не своим хозяевам, и, следовательно, будут продолжать подвергаться наказанию за добрые дела. Но это предполагает определенное продолжающееся неповиновение, поскольку окончательная преданность должна быть отдана Богу. Хозяев этих рабов, в свою очередь, теперь судят отчасти по тому, как они обращаются со своими рабами.

А именно, если они действительно наказывают своих рабов за добрые дела в глазах единого Бога, эти хозяева оказываются злыми или нечестными хозяевами, поскольку они действуют несправедливо. В 1 Петра инструкции, данные рабам, в конечном итоге служат образцом инструкций, данных всем. Это довольно удивительно в этом обществе.

Раб не является образцовым гражданином и не является подходящим примером поведения. Но здесь Петр фактически ставит раба как образец для каждого христианина. Итак, мы видим, что не только раба, но и всех христиан призывают принять незаслуженные страдания, осознавая наличие Божьего

одобрения, стараясь при этом не провоцировать заслуженные страдания со стороны рабов со стороны своих хозяев, со стороны каждого христианина со стороны своих хозяев. внешний мир.

Обоих рабов, в первую очередь, а затем каждого христианина, призывают не мстить. Сначала рабы, но затем каждый христианин осознает важность следования примеру Иисуса. И затем, во-первых, рабы призваны доверить свое дело Богу на суд.

А затем, две короткие главы спустя, всем христианам, которые несправедливо страдают из-за того, что они послушно ответили Богу, предлагается доверить свое дело Богу для суда. С одной стороны, Первое послание Петра вряд ли можно назвать освободительным текстом как в отношении взглядов и роли жен в домашнем хозяйстве, так и в отношении взглядов и роли рабов в домашнем хозяйстве. Но с другой стороны, автор показывает некоторые интересные проблемы или ставит некоторые интересные вызовы этим неравным структурам и мышлению слушателя о самих структурах.

Как муж-христианин в первом веке, буду ли я относиться к женщине в моем доме прежде всего как муж к жене или брат к сестре под Богом? Думая о рабах посреди собрания, буду ли я продолжать думать о них как о самых низких членах церкви или, во многих важных отношениях, как об образцовых членах церкви? Таким образом, автор может предложить некоторые интересные контрапункты для обеих оценок. Итак, идея церкви, христианского движения как семьи, как группы родства, объединенной посредством усыновления в Божью семью, так что они становятся сестрами и братьями друг для друга, и этика, которая сопровождает эту идею, являются мощными ресурсами для преобразование отдельного верующего и формирование жизненно важных и заботливых религиозных сообществ, если мы будем работать над их восстановлением в наш век. Когда я думаю о церквях, частью которых я был, то обычно это очень сердечные группы людей, которые хорошо и даже в определенной степени тесно взаимодействуют, но не выходят за рамки определенных моментов.

Но я мог бы описать только одну из семи церквей, в которых я был значимой частью своей жизни, как семью, как группу, которая изо всех сил старалась воплотить в жизнь этот идеал родства, основанный на кровном родстве. Христа, а не быть родственником какой-либо другой крови. Что, если бы наши церкви, что, если бы мы, как часть наших церквей, действительно продолжали бы стремиться к тому, чтобы относиться к нашим собратьям-христианам, нашим братьям и сестрам там, действительно как к братьям и сестрам, не просто как к своего рода религиозному титулу, но как к людям в которых мы бы вложили себя, как если бы они были сыновьями и дочерьми наших родителей, наших самых естественных родителей? Что, если, например, мать-одиночка придет в

церковь и найдет там сообщество поддержки, которое поможет ей растить детей и присматривать за ними, пока она работает? Что бы значила для такого человека семья Божья, когда она обнаружила, что действительно может доверить своих детей в течение дня на попечение других, когда она нашла множество людей, готовых помочь ей в повседневных трудностях, связанных с необходимостью быть единственным родителем и единственным кормильцем? Что, если эти два враждующих члена церкви, и вы все точно знаете, кого я имею в виду, что, если эти два враждующих члена церкви в нашей общине обнаружили, что мы идем рядом с ними таким же образом, который неизбежно, я думаю, это был мой опыт, неизбежно мы сталкиваемся с членами нашей естественной семьи, которые ссорятся слишком долго. Вы знаете, я сделал это, мы все это сделали, это сделали со мной, где наши родные семьи, некоторые члены наших естественных семей, по сути, сядут нас и скажут: теперь это не может продолжаться.

Мы собираемся решить эти проблемы, чтобы снова стать хорошо функционирующей семьей и положить конец этой разобщенности. Что, если человек, уличенный в грехе, обнаружит, что христиане в церкви вокруг него больше заинтересованы в восстановлении этого человека, в попытке действительно скрыть стыд этого человека, а не выставлять напоказ стыд этого человека и выгнать этого человека или заставить человека почувствовать себя недостойным и нечистым? Что, если бы мы относились к этому человеку так же, как мы относились бы, я надеюсь, к члену нашей естественной родственной группы, попавшему в беду, который все испортил, с таким же рвением к восстановлению, помощи и поднятию? Какой мощной культурой, какой обаятельной и привлекательной культурой станет христианская церковь? А что, если мы подумаем о церкви в таких терминах за пределами даже нашей поместной общины, даже за пределами нашей деноминации, даже за пределами наших национальных границ? Что, если те, кто даже сейчас сталкивается с огромными трудностями из-за своей преданности Христу, обнаружат, что всемирная церковь так же быстро идет рядом с ними, предоставляет им любую возможную материальную или духовную помощь, берется за их дело, как если бы оно было их собственным? с тем же рвением, с которым мы поступили бы, если бы нашего ребенка преследовали или маргинализировали? Я думаю, что это именно тот идеал, который авторы Нового Завета очень хотели привить христианскому движению, поскольку они заставляли нас думать друг о друге как о сестрах и братьях, а не просто о незнакомцах, принадлежащих к одной и той же добровольной организации. И чем больше мы сможем воплотить этот идеал любви, тем больше, я думаю, будет расти свидетельство церкви, настойчивость церкви и рост церкви.

Мне это напомнило, и мне хотелось бы точно вспомнить классический текст, в котором я это нашел, но одна из вещей, которые больше всего впечатляли нехристианских посторонних в христианском движении во втором и третьем

веках, заключалась в том, как они относились к каждому из них. другим была чрезмерная любовь и признание, которые они оказывали друг другу. Свидетельство – увидеть, как они любят друг друга. То же самое можно было бы сказать и о церкви в любом месте, если бы мы приняли наше родство ценой того, что Иисус умер за нас, чтобы сделать нас семьей Божьей.

Это доктор Дэвид де Сильва в своем учении «Культурный мир Нового Завета». Это занятие 6, Чтение 1 «Петр, настроенный на структуры и ценности родства».